

МОЕМУ ОТЦУ

	ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ	5
Глава I	ТЕОРИЯ	8
Глава II	РОЖДЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ	28
Глава III	В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ	60
Глава IV	ЧЕРЕЗ ТИХИЙ ОКЕАН. I	102
Глава V	НА ПОЛПУТИ	136
Глава VI	ЧЕРЕЗ ТИХИЙ ОКЕАН. II	180
Глава VII	ВСТРЕЧА С ПОЛИНЕЗИЕЙ	230
Глава VIII	В ГОСТЯХ У ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ	270

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Вместе с кругозором человека растет его любознательность. Любознательность — движущая сила, которая дана нам от рождения; ее не измеришь ни киловаттами, ни лошадиными силами, но она непрестанно влечет человека вперед, внушает ему стремление преодолеть неизвестность. Особенно сильна любознательность на грани извещенного и еще не познанного, здесь она разгорается, упорно долбит преграду, пока не проникнет за нее, а неведомое непрерывно отходит назад, ведь всезнание недостижимо, как вечно отступающий горизонт.

Ребенок ползет на четвереньках к печке, к ведру, к стулу, ему надо узнать, какие они — холодные или горячие, твердые или мягкие, — он сует в рот пирожное, гвозди и камни, чтобы изведать вкус. А когда своя кроватка и своя комната изучены, он стремится за дверь, в соседнюю комнату, вверх или вниз по лестнице, ему необходимо выяснить, что там. Дальше, дальше идут молодые, идут любопытные,

подстегиваемые непреходящим стремлением еще и еще потеснить пределы неведомого. И неведомое пятится, отступает, а передовые отряды настойчиво расширяют кругозор человечества, идут через горы и равнины, через пустыни и океаны, поднимаются вверх на аэростате, опускаются вниз в водолажном колоколе, проникают в ледяное безмолвие Арктики, в тропические джунгли, не оставляя неизведанным ни одного клочка Земли, погружаются на дно глубочайших морей, взбираются на пики высочайших гор — с одной, потом с другой стороны. Дальше, дальше — в верхние слои стратосферы, в безвоздушное пространство, на Луну, к другим планетам, в далекий космос, насколько позволяет время. Потому что человек ограничен временем. Время останавливает человека. Когда-нибудь техника позволит продолжить полет к другим солнечным системам, но путешествие продлится так долго, что одного поколения не хватит, чтобы добраться до цели.

Да, жизни одного человека не хватит, чтобы достичь другой солнечной системы. Ее мало даже для того, чтобы изучить все уголки нашего собственного земного шара. Ничто не остановит бега времени: время — союзник неведомого, оно ставит предел завоеваниям любознательности. И все же человек сделал изобретение, способное устоять против всех атак времени: письмо. Писаное слово — лучший союзник любознательности в ее поединке со временем. Оно выдержит любое путешествие; более того, один человек может за несколько минут прочесть о том, что испытано другим за всю жизнь. Письмо — самое революционизирующее изобретение человечества,

оно важнее паровой машины, электрической лампочки и телевидения вместе взятых, ведь оно позволяет сохранять и концентрировать совокупное знание человечества. Безвестные изобретатели письма вооружили нас динамитом, чтобы мы могли взрывать барьеры неведения, проникая в такие дали, которых мы иначе никогда бы не достигли.

Когда я пишу книги о своих путешествиях, я стремлюсь передать на бумаге впечатления и события в таких словах, чтобы другие могли за несколько часов пережить то, что было пережито нами за месяцы, может быть, годы. Все не могут отправиться в путешествие или экспедицию, каждый делает свое дело, вносит свой вклад в жизнь общества; да и те из нас, кто путешествует, читают о путешествиях других и о том, что делают все те, кто не путешествует, кто остается дома и приводит в движение шестеренки цивилизации, — от крестьянина и рыбака, которые всех нас кормят, до рабочего, служащего, ученого, экономиста, администратора и политика, образующих ячейки сложной системы современного государства. А я могу пригласить вас в путешествие в далекое прошлое, когда неведомые мореплаватели делали плоты и лодки из бальсы и папируса, и мы пройдем вместе с ними через океан из Америки и в Америку, чтобы посмотреть, не было ли связи между древнейшими культурами мира.

Добро пожаловать в путешествие, куда бы вас ни влекло! Может быть, начав читать, вы войдете во вкус и побываете вместе с нами во всех концах маленькой, но удивительно разнообразной планеты, на которой мы странствуем сообща в неизведанном, безбрежном мировом пространстве.

Глава I

ТЕОРИЯ

С чего все началось

Старик с острова Фату-Хива

Ветер и течение

Поиски Тики

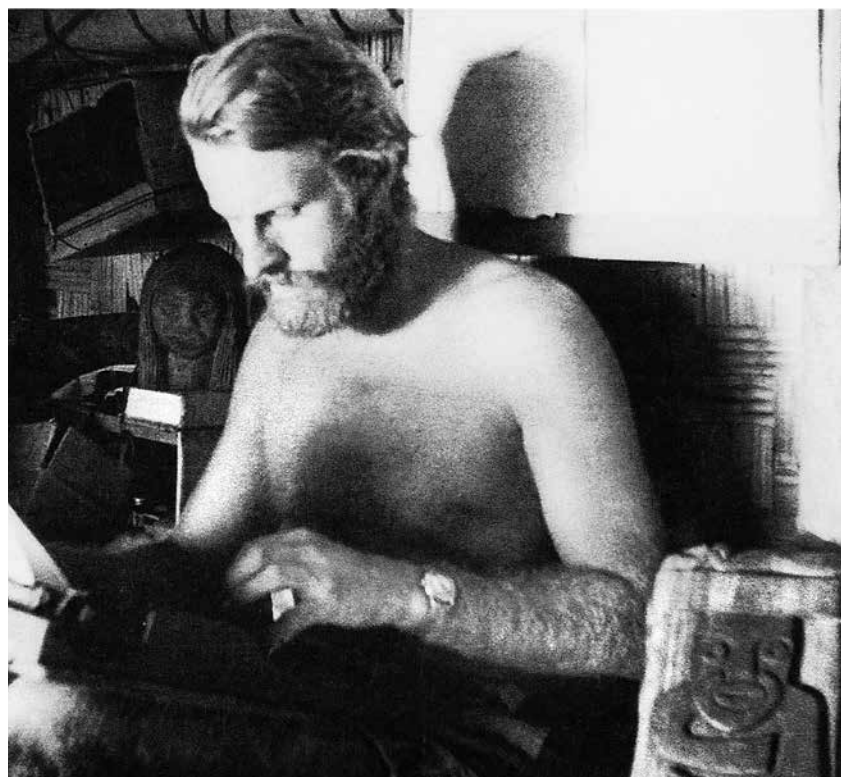
Кто заселил Полинезию?

Загадка Южных морей

Гипотеза и факты

Легенда о Кон-Тики и белой расе

Война

ТЕОРИЯ

Иногда человек ловит себя на том, что оказался в совершенно необычной ситуации. Пусть ты шел к этому постепенно и естественно; когда уже возврата нет, ты вдруг удивляешься: как это я ухитрился попасть в такое положение?

Если ты, например, с пятью товарищами и одним попугаем вышел в море на плоту, рано или поздно наступит такое утро, когда ты, проснувшись среди океана, со свежей головой начнешь размышлять.

Вот в такое утро я сидел над отсыревшим от росы судовым журналом и записывал:

«17 мая. Сильное волнение. Ветер свежий. Сегодня мне кашеварить, я подобрал семь летучих рыб на палубе, одного спрута на крыше каюты и неизвестную рыбу в спальном мешке Торстейна...»

Тут карандаш остановился, и снова в глубине сознания зашевелилась мысль: а все-таки необычное 17 мая, и вообще в высшей степени необычная обстановка... море и небо... с чего же все это началось?

Повернешься налево — и открывается вид на могучий синий океан, на шипящие волны, которые одна за другой, одна за другой проносятся мимо в своем нескончаемом беге к вечно отступающему горизонту. Повернешься направо — в хижине, в тени бородатый человек лежит на спине и читает Гёте, удобно воткнув пальцы босых ног между планками низкой бамбуковой крыши. Эта хрупкая маленькая хижина — наш дом.

— Бенгт, — сказал я, отталкивая зеленого попугайчика, который вздумал взобраться на судовой журнал, — может быть, ты мне ответишь: как мы до этого додумались?

Томик Гёте опустил, открыв золотистую бороду:

— Кому же это знать, как не тебе, ведь ты все придумал, и, по-моему, придумал очень здорово.

Он передвинул пальцы ног на три планки выше и как ни в чем не бывало продолжал читать Гёте. На бамбуковой палубе рядом с хижинкой под жаркими лучами солнца трудились еще трое. Полуголые, загорелые, бородатые, с белыми полосками соли на спине, а выражение лица такое, будто они всю жизнь только тем и занимались, что сплавляли лес на запад через Тихий океан. А вот и Эрик, пригнувшись, забирается в хижину со своим секстантом и кипой бумаг:

— Восемьдесят девять градусов сорок шесть минут западной долготы и восемь градусов две минуты южной широты — неплохо продвинулись за последние сутки, а?

Он взял у меня из рук карандаш и нарисовал маленький кружочек на карте, висевшей на бамбуковой стене, — маленький кружочек на конце дуги из девятнадцати других кружочков, которая начиналась у портового города Кальяо на побережье Перу.

Тут и Герман, Кнут и Торстейн забрались внутрь, чтобы полюбоваться на новый значок, который был на добрых 40 морских миль ближе к островам Полинезии, чем предыдущий.

— Вот так-то, ребята, — гордо произнес Герман, — мы уже в тысяче пятистах семидесяти километрах от побережья Перу.

— И до ближайших островов по курсу осталось всего лишь шесть тысяч четыреста тридцать километров, — добавил Кнут осторожно.

— Для полной точности добавим, что мы в пяти тысячах метрах над дном морским, ну и до луны над нами не одна сажень, — сказал Торстейн.

Теперь мы все точно знали, где находимся, и я мог продолжать свои размышления на тему «почему?». Попугаю было решительно все равно, он упрямо лез на вахтенный журнал. А кругом — все тот же обрамленный небом океан: внизу сине, вверху сине.

Может быть, все началось прошлой зимой в кабине музея в Нью-Йорке? А может быть, еще десятью годами раньше на одном из островков Маркизского архипелага в центре Тихого океана? И кто знает, возможно, мы причалим именно к этому острову, если норд-ост не отнесет нас южнее, в сторону Таити и Туамоту.

Я отчетливо представлял себе маленький островок с ржаво-красными обветренными скалами, зеленые заросли, сбегаящие по косогорам к морю, стройные пальмы, что качаются на берегу в вечном ожидании. Островок называется Фату-Хива; сейчас нас отделяют от него тысячи морских миль, и на всем этом пути ни одного клочка суши. Я видел узкую долину Уна

и отлично помнил, как мы вечерами сидели в ее устье на пустынном берегу, глядя на этот самый необозримый океан. Тогда я совершал свадебное путешествие, и меня не окружали, как сейчас, бородатые пираты. Мы собирали фауну для коллекции, а также идолов и другие остатки давно вымершей культуры. Мне отчетливо запомнился один вечер. Цивилизованный мир казался невообразимо далеким и нереальным. Почти год мы прожили на острове, где не было других европейцев, намеренно расставшись со всеми благами, а заодно и всеми пороками цивилизации. Нашим домом была хижина на сваях, которую мы выстроили под пальмами на берегу, и ели мы то, чем нас потчевал тропический лес и Тихий океан.

Суровая школа практической жизни позволила нам лучше узнать многие своеобразные проблемы Тихого океана; мне думается, мы во многом как физически, так и психологически шли по стопам древнего народа, который прибыл на эти острова неведомо откуда и полинезийские потомки которого безраздельно владели островным царством, пока не явились представители нашей расы — с Библией в одной руке, ружьем и водкой — в другой.

В тот памятный вечер мы, как обычно, сидели в лунном свете на берегу, лицом к океану. Мы были в плену окружающей нас сказки и чутко все воспринимали, боясь хоть что-то пропустить. Жадно вдыхали запах буйного леса и соленого моря, слушали шорох ветра в листве и пальмовых кронах. Время от времени все заглушали могучие океанские валы, они несли свои пенящиеся гребни через отмель, чтобы разбить их вдребезги о гальку. Воздух наполнялся стуком, роко-

том и шуршанием миллионов блестящих камешков, затем все стихало: океан отступал, набираясь сил для нового натиска на упорный берег.

— Странно, — заметила Лив, — на той стороне острова никогда не бывает такого прибоя.

— Верно, — ответил я. — Здесь — наветренная сторона, поэтому океан никогда не бывает спокоен.

И мы продолжали любоваться океаном, который готов был без конца подчеркивать: вот я иду к вам с востока, с востока, с востока. Восточный ветер, вечный пассат, — вот кто тербил океанскую гладь, вспахивал ее и гнал борозды вперед к этим островам, где непрерывный натиск океана наконец разбивался о рифы и скалы. А пассат взмывал над берегом, ле-

сом, горами и беспрепятственно летел дальше на запад, от острова к острову, туда, где заходит солнце. С незапамятных времен волны и легкие тучки точно так же переваливали через далекую линию горизонта на востоке. Это отлично знали первые люди, достигшие островов. Это знали птицы и насекомые; вся растительность определялась этим обстоятельством. А мы, кроме того, знали, что там, за горизонтом, на востоке, откуда выплывают облака, далеко-далеко простирается берег Южной Америки. 8 тысяч километров отсюда, и все время вода, вода...

Мы смотрели на летящие облака и залитый лунным светом колышущийся океан и прислушивались к рассказу полуголого старика, который сидел перед нами на корточках, глядя на тлеющие угли прогоревшего костра.

— Тики, — негромко произнес старик. — Он был и бог, и вождь. Это Тики привел моих предков на эти острова, где мы теперь живем. Раньше мы жили в большой стране далеко за морем.

Он поковырял угли палочкой, чтобы не потухли окончательно, а сам продолжал размышлять. Старый человек, он жил прошлым и был связан с ним всеми узами. Он преклонялся перед своими предками и их подвигами, совершенными в незапамятные времена, когда на земле жили боги. И он предвкушал встречу с предками. Старый Теи Тетуа был последним представителем вымерших племен, которые когда-то населяли восточное побережье Фату-Хивы. Он не знал, сколько ему лет, но его морщинистая темно-коричневая кожа выглядела так, словно ветер и солнце сушили ее сто лет. Он был одним из тех немногих жителей архипелага, кто еще помнил сказы

отцов и дедов и верил в предания о сыне Солнца — великом полинезийском вожде и боге Тики.

Ночью, когда мы поднялись в нашу клетушку на сваях и легли спать, в моей голове все еще звучал рассказ старого Теи Тетуа о Тики и о заморской родине островитян. Глухие удары прибоя аккомпанировали моим мыслям; казалось, голос седой старины, рокочущий там, в ночи, хочет что-то поведать. Я не мог уснуть. Как будто время перестало существовать, и Тики во главе своей морской дружины в эту самую минуту впервые высаживается на сотрясаемый прибоем берег. И вдруг меня осенило:

— Лив, тебе не кажется, что огромные каменные изваяния Тики в здешних лесах удивительно похожи на могучие статуи, памятники некоторых древних культур Южной Америки?

Прибой явственно пророкотал что-то одобрительное. И постепенно стих: я уснул.

Да, пожалуй, так все и началось. Во всяком случае так было положено начало целому ряду событий, в итоге которых мы шестеро и один зеленый попугай оказались на плоту посреди океана, вдали от берегов Южной Америки.

Помню, как я потряс отца и удивил мать и друзей, когда, вернувшись в Норвегию, сдал свою коллекцию жуков и рыб с Фату-Хивы в Зоологический музей университета. Я решил бросить зоологию и заняться древними народами. Меня захватили нерешенные загадки Южных морей. Должен же быть вразумительный ответ. И я задался целью установить, кем был этот легендарный Тики, откуда он пришел.

Много лет океанский прибой и развалины в джунглях были словно далекий сон, туманные образы,